

А.В. ДМИТРИЕВ, Г.А. ПЯДУХОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, НАПРЯЖЕННОСТЬ, КОНФЛИКТЫ

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич - член-корреспондент, советник РАН. ПЯДУХОВ Григорий Акимович - доцент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

Звено в глобальной цепи. По оценкам экспертов ООН, XXI век - век масштабных международных миграций, направленных, в основном, из перенаселенных стран Юга в страны Севера. Россия уже испытывает миграционное давление, которое неизбежно будет нарастать в силу многих факторов, в том числе и в связи с предстоящим вступлением ее в ВТО, включением в международную экономическую конкуренцию, а также с необходимостью считаться с правилами перемещения рабочей силы в странах, входящих в ВТО.

Все более многообразной может стать и этническая структура миграционных потоков, основную часть которых уже составляют и будут составлять трудящиеся-мигранты [1]. Взаимодействие последних с российским обществом - проблема, требующая постоянного и серьезного анализа. В данной статье предпринята попытка рассмотреть малоизученные аспекты конфликтогенного взаимодействия принимающего общества и трех наиболее многочисленных категорий трудящихся-мигрантов: работающих по найму у российских работодателей, у состоятельных мигрантов-соотечественников, осуществляющих трудовую деятельность самостоятельно либо совместно с членами семьи [2].

Потоки трудовой миграции: моно- и полиэтничность. Трудовая миграция в Россию эволюционировала с 1992 по 2006 годы из стихийного в организованный процесс, "управляемый" на официальном, но чаще всего неофициальном (теневом) уровнях. Лишь около 10% трудящихся-мигрантов прибывают в нашу страну на законных основаниях под контролем соответствующих органов исполнительной власти.

В 2003 г. в Россию прибыло 377,9 тысяч законных (документированных) трудящихся-мигрантов из 131 государства: 177,2 тысяч (46,9%) - из СНГ; 200,7 тысяч (53,1%) из других стран. Лидировали по числу квотированных работников граждане Украины - 27,2%; Китая - 19,3%; Турции - 10% [3, с. 75].

Основные потоки незаконной трудовой миграции контролируются заинтересованными группами в России и в странах происхождения мигрантов. Используя различные источники (официальные каналы, мигрантские и криминальные сети), они создали устойчивую систему получения информации о потребностях в иностранной рабочей силе на региональных рынках труда и гибко реагируют на меняющуюся конъюнктуру спроса и предложения.

Эксперты отмечают, что в 2003 г. из Азербайджана, Армении и Грузии в различных регионах России было занято около 1,5 миллиона трудящихся-мигрантов. Из Украины - от 1 до 1,5 миллиона человек, из Узбекистана - от 600 до 700 тысяч, Таджикистана - более 600 тысяч, Киргизии - от 300 до 350 тысяч, Молдовы - 200 тысяч,

Казахстана - 30 тысяч, Китая - около 450 тысяч, Вьетнама - примерно 80 тысяч, Афганистана - от 50 до 150 тысяч [3, с. 76-80].

В субъектах РФ сложилось негласное разделение труда по территориям и сферам деятельности между различными этническими группами мигрантов. К примеру, в приграничных областях Дальнего Востока, с одной стороны, развивается тенденция сокращения притока документированных трудящихся-мигрантов из стран СНГ. С другой, - тенденция возрастания притока работников из стран дальнего зарубежья, прежде всего Китая. В Приволжском федеральном округе в 2003 г. высокий приток из СНГ сопровождался ростом численности мигрантов из Китая (Пермская область), а в других областях - из СНГ (Пензенская область).

Отмеченные процессы связаны с комплексом причин: экономической привлекательностью регионов для мигрантов и нарастающей между ними конкуренцией за право контролировать наиболее доходные сферы деятельности; изменением предпочтений региональных и местных элит в пользу определенных групп мигрантов и охлаждение интереса к другим группам и т.д.

Важно учитывать, что на формирование этнического состава прибывающих из постсоветских государств влияет возрастание удельного веса титульного населения в последних и продолжающийся либо завершившийся исход нетитульного. Причины данных процессов достаточно изучены. Отметим, что действующие в этих странах разновидности этнократических режимов, несмотря на внешнюю либерализацию национальной политики и формальный отказ от приоритета прав титульной нации, на практике сохраняют механизм реализации этих идей [4]. То есть процесс "этнической унификации", "этнической концентрации" и "мононационализации", как любят выражаться отдельные исследователи и политики, продолжается. Вполне закономерно появление в России моноэтничных потоков из большинства постсоветских государств. К примеру, из Азербайджана, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы прибывают группы, представляющие в основном титульные этносы. Несмотря на возрастающую мононациональность, в совокупности своей мигранты образуют единый полиэтнический поток, который активно взаимодействует с полиэтническим российским социумом.

Пространство взаимодействия. Для понимания особенностей взаимодействия трудящихся-мигрантов и принимающего общества важно выявить основные характеристики каждой из сторон и те общие черты, которые могли бы служить своеобразным смысловым знаменателем и базовым методологическим ориентиром исследования. Таким знаменателем может служить общность исторических судеб постсоветских государств, "выталкивающих" в Россию основную массу мигрантов.

Ретроспектива минувшего столетия показывает, что население территорий, составлявших в начале XX в. Российскую империю, затем СССР, а после 1992 г. - новые независимые государства, прошло путь от разрушения полуфеодального капитализма к строительству советского общества, а затем от разрушения последнего - к рыночной модернизации страны. Каждый новый этап начинался с радикальной ломки существующих форм организации общественной жизни и сопровождался длительным периодом социальной дезорганизации.

Столь резкой смены моделей общественного устройства и столь масштабных потрясений не знал ни один народ и ни одна страна в мире. Последствия этой драмы дают о себе знать во всех сферах жизни и позволяют лучше понять основные причины появления на постсоветском пространстве государств-маргиналов и громадных масс людей-маргиналов.

В России трудящиеся-мигранты сталкиваются с жесткой реальностью транзитного общества и присущим ему нестабильным правовым, экономическим, социальным, политическим и культурным пространствами.

Правовое пространство представлено нормативными актами, создавшими многоступенчатую, забюрократизированную систему привлечения иностранной рабочей силы, в которой минимизированы возможности защиты их прав от произвола работода-

телей, отсутствуют эффективные механизмы противодействия нелегальной миграции.

Экономическое пространство выражено неадекватными моделями рыночной модернизации, мотивирующими доминирование монополизма над конкурентной средой, сырьевую направленность экономики и деградацию производств, ориентированных на внутренний рынок. Создана система скрытого предпринимательства влиятельных чиновников из органов государственной власти и местного самоуправления, действует разветвленная теневая экономика, нуждающаяся в притоке и эксплуатации дешевой иностранной рабочей силы. Дезавуированы ценность честного труда и статус наемного работника.

Социальное пространство характеризуется дальнейшей деформацией социально-классовой структуры, фиксирующей нарастающие имущественные, властные, статусные различия и неравенство разных групп. В стране крайне неблагоприятные условия для подавляющего большинства граждан, превратившихся за годы реформ в дискриминируемую категорию с маркером "малообеспеченные", "уязвимые" группы, живущие за чертой бедности.

Политическое пространство отличается обострением общероссийского политического процесса в связи с подготовкой к выборам в Государственную Думу (2007 г.) и Президента страны (2008 г.). Наблюдается поворот к популистской экзальтации миграционной тематики политическими партиями.

Культурное пространство характеризуется противоборством иррациональных и гуманистических идей за право формировать в общественном сознании господствующие представления о смысле происходящего в стране. Государство лавирует между противоборствующими сторонами, уклоняется от диалога с гражданами о целях социально-экономического развития и ценностях, способных объединить общество на конструктивной основе.

Стихийное взаимодействие указанных пространств происходит на фоне слабой регулирующей роли государства и оборачивается низкой федеральной и региональной сопротивляемостью внешним и внутренним угрозам, преобладанием процессов социальной дезинтеграции над интеграцией.

Прибывая в Россию из постсоветских государств, мигранты в массе своей транслируют расколотые символы веры, тенденциозные картины-образы минувшей и современной истории и через их призму воспринимают российскую действительность, выстраивают стратегии поведения. В российском социуме они взаимодействуют с еще более контрастной маргинальной средой. Переплетение всех этих факторов создает конфликтогенную обстановку, в которой сводятся к минимуму возможности успешного взаимодействия мигрантов и принимающего общества и в которой заинтересовано немало влиятельных фигур из разных групп элит в России и стран происхождения мигрантов. Используя официальные и неофициальные ресурсы власти, они выстраивают в условиях внешней неупорядоченности взаимодействия трудящихся-мигрантов с российским социумом свой внутренний порядок, соответствующий их групповым интересам.

Встречная социализация. Несмотря на возможности заинтересованных групп элит влиять на повседневное взаимодействие трудящихся-мигрантов и принимающего общества и придавать ему определенную смысловую направленность, оно во многом развивается вопреки таким интересам. Так, в местах высокой концентрации мигрантов (экономически привлекательных субъектах РФ, мегаполисах, областных центрах) отчетливо просматривается явление, описанное Л. Бляхером на основе изучения трансграничного взаимодействия населения Хабаровска с приграничьем Китая и Санкт-Петербурга с Финляндией. Речь идет о том, что в процессе такого взаимодействия создается уникальное "нейтральное" социокультурное пространство, в котором формируется особая культура-посредник, включающая некоторые общие взаимно приемлемые нормы поведения, деятельностные практики и негласно признаваемые совместные ценности [5].

Подобная культура помогает преодолевать "образ врага" и административные барьеры, нивелирует или снижает риски от столкновения с неизвестными и непонятными культурно-экономическими стереотипами и правовыми нормами другого государства, создает возможности для продуктивного сотрудничества и диалога культур в экономической сфере [5].

Атмосфера культуры-посредника (на наш взгляд, интегральной субкультуры взаимодействующих групп) мотивирует взаимную аккультурацию этнических групп трудящихся-мигрантов и принимающего общества, освоение ими программ поведения и деятельности, свойственных культуре каждой из сторон и содействует лучшему пониманию друг друга. Следовательно, в этой среде объективно развивается процесс *встречной социализации* взаимодействующих сторон. Все мигранты в большей или меньшей степени вовлечены в этот процесс, тогда как в принимающем обществе значительное число россиян формирует свои представления о мигрантах преимущественно опосредованно, из сообщений средств массовой информации, общения с соотечественниками, случайных личных наблюдений.

Наблюдаются существенные различия в социализации групп мигрантов. Первая (большинство) включает тех, кто независимо от сроков пребывания не намерен закрепляться в России и усваивает минимально необходимый объем информации о принимающем обществе, обеспечивающей гарантированную реализацию их целей (получение дохода и возвращение на родину). Вторая состоит из мигрантов, ориентированных на закрепление, постоянное местожительство и последующее обретение российского гражданства. Они стремятся получить максимальный объем информации и формируют из разрозненных представлений относительно целостные (с точки зрения мигрантов) политико-географические, экономико-географические и этнокультурные образцы их пребывания и деятельности. Это помогает мигрантам лучше осваивать новые статусы и роли, вырабатывать адекватные стратегии поведения и успешно адаптироваться к окружающей среде.

Очевидно, что для представителей первой группы риски возникновения конфликтных ситуаций с принимающим обществом несколько выше, чем у второй.

Особую роль в процессе встречной социализации играет этническая группа, являющаяся гибкой формой и эффективным способом выживания в конкурентной борьбе за жизненные ресурсы. В рыночном пространстве они действуют в атмосфере ускоренного и уплотненного времени, насыщенного интенсивной деятельностью, в котором нет места паузам и передышкам. Это относится ко всем категориям мигрантов, работающих по найму либо осуществляющих трудовую деятельность самостоятельно. Они более успешны в добывании денежных средств по сравнению со своими конкурентами из числа местных работников. Тем самым, вопреки своим желаниям, мигранты снижают порог собственной безопасности и невольно обостряют отношения с местным населением.

Напряженность. Фундаментальные предпосылки напряженности между мигрантами и принимающим обществом формируются на российском рынке труда, где наблюдается множество парадоксальных явлений. Коснемся лишь одного из них, связанного с *устойчивым спросом на иностранную рабочую силу* на фоне высокого уровня безработицы в отдельных субъектах Российской Федерации.

Сравним показатели безработицы по регионам с выделенным им по квотам Правительства РФ количеством приглашений иностранным гражданам на въезд в страну в целях осуществления трудовой деятельности. Республике Марий Эл с 2001 по 2003 годы, где безработица возросла с 9,4 до 15%, выделено 200 приглашений. Дагестану в 2003 г. при уровне безработицы 21,8% выделено 540 приглашений. В Бурятии соответственно 13,5% и 2000 [6]. В то же время высокий спрос на иностранную рабочую силу закономерен в регионах, где наблюдается обострение дефицита трудовых ресурсов. В Москве за указанный период безработица снизилась с 2,1 до 1,4%. На 2004 г. столице было выделено 40821 приглашение или 70% от общего числа по Центральному федеральному округу и 19,2% в целом по России. В Санкт-Петербурге снижение с

3,9 до 3,6%, выделено 5000 приглашений или 36% от общего числа по Северо-Западному федеральному округу [6].

Эти сведения могут показаться несущественными, особенно в провинциальных областях. Но они приобретают совершенно иное звучание, если учесть численность нелегальных мигрантов, которая в десятки раз выше и оказывает весомое влияние на локальные рынки труда. По данным Федеральной миграционной службы, численность мигрантов оценивается в 5,5 млн. человек, из которых 3,5 млн. незаконны. Эксперты Международной организации по миграции приводят несколько иную цифру - около 5 млн. нелегальных мигрантов [7].

Такие процессы вызывают напряженную реакцию местного населения. В обыденном сознании распространены две точки зрения на развивающийся в России процесс формирования мигрантских ниш занятости. Согласно первой, мигранты занимают дефицитные рабочие места и вытесняют местных работников, увеличивают безработицу. Односторонность подобного взгляда очевидна, так как мигранты сами по себе вообще не могут вытеснить местных работников и "отнять" у них рабочие места. Для этого им необходимо как минимум два условия. Во-первых, заинтересованность местных органов власти в притоке мигрантов и принятии соответствующих решений (официальных, неофициальных) в их пользу, а не в пользу местных работников. И во-вторых, заинтересованность российских работодателей в дешевой рабочей силе и в приоритетном найме на работу мигрантов, а не местных.

Вторая точка зрения утверждает обратное - мигранты занимают лишь самые непрестижные, низкооплачиваемые рабочие места, от которых отказываются местные работники. Это верно лишь отчасти, так как работодатели умело создают *искусственный, виртуальный дефицит кадров* путем установления заниженных ставок оплаты труда. В результате "свои" работники не идут, а "чужие" приходят на любые условия.

Импульсы напряженности, формирующиеся на рынке труда, получают дальнейшее развитие по месту работы мигрантов. Для занятых у российских работодателей узловые точки напряженности связаны с характером трудовых отношений между сторонами. Для работающих по найму у состоятельных мигрантов-соотечественников либо осуществляющих трудовую деятельность самостоятельно (как правило, это торговля на рынках) напряженность формируется в процессе взаимодействия с различными группами принимающего общества, посещающими рынки.

В формировании напряженности весом "вклад" работодателей, представляющих собой пестрый конгломерат выходцев из различных социальных групп, стремящихся получить прибыль любым путем. К этой категории вполне применима характеристика Ж. Тощенко кентавр-личностей, противоречивая позиция которых демонстрирует иррациональный потенциал их реально функционирующего сознания [8].

Нарушение межэтнического баланса. Приток иноэтничных групп, на первый взгляд, не нарушает межэтнический баланс в субъектах Российской Федерации, так как мигранты не являются гражданами России, временно пребывают на ее территории и уже в силу этого не в состоянии изменить этнодемографическую структуру. Однако деликатность ситуации в том, что массовый, периодически повторяющийся приток и достаточно длительное пребывание групп, сменяющих друг друга по своеобразному "скользящему графику", может создавать и фактически создает *временное нарушение межэтнического баланса на рынке труда* и нарушение баланса привычного для местного населения межэтнического повседневного общения.

Этот процесс формирует стойкую иллюзию присутствия и укоренения иноэтничных мигрантов в регионах и воспринимается принимающим обществом как реальная угроза его жизненным интересам, формирует напряженность, интолерантные установки.

Отчетливо выражен этот процесс в Москве, в которой, по мнению экспертов, весной и летом пребывают 800 тыс. - 1 млн., а осенью и зимой до 500 тыс. мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Во многом сходные процессы наблюдаются в Санкт-Петербурге. В значительно меньшем масштабе, но порой достаточно ощутимо - в Краснодаре, Владивостоке, Оренбурге, Астрахани и других областных центрах.

На представления о межэтническом балансе и взаимоотношения мигрантов с принимающим обществом неоднозначно воздействуют присущие им *этностереотипы и этнофобии*. В повседневном общении представители каждой из сторон как бы само собой подразумевают, что им не свойственны негативные характеристики "другой" этнической группы, зафиксированные в этностереотипе. Подобные убеждения служат неким заблуждением, основой завышенной этнической самооценки и так называемой "национальной гордости". Между тем, известно, что гордиться своей национальной принадлежностью нет никаких оснований ни у одного этноса. По меткому замечанию А. Здравомыслова: "...национальную принадлежность не выбирают, она дается человеку вместе с рождением, и, следовательно, нет оснований ни стыдиться своей национальной принадлежности, ни гордиться ею" [9, с. 41].

Этностереотипы и этнофобии принимающего общества своеобразно мотивируются и публикациями авторов, рисующих картины катастрофического будущего России без мигрантов. Вот лишь заголовки некоторых статей, размещенных на Интернет-сайте, специализирующемся по проблемам миграции: "Демография судного дня"; "Россия совершает демографическое самоубийство", "Смерть России". Не лучше обстоит дело и с массовой прессой, пестрящей категоричными: "Соотечественники, вас ждет Сибирь", "Россия останется без русских?"; "Без мигрантов у России нет будущего". Апокалиптическая тональность подобных публикаций внесла свой вклад в укоренение образа опасного "чужого" в массовом сознании и формирование мифа о надвигающейся исполинской тени иноэтничной миграции.

С позиций перспективы, основной риск нарушения межэтнического баланса и наибольший потенциал напряженности и конфликтов с принимающим обществом таит в себе *китайская миграция*. Показательна эволюция общественного мнения по поводу данной миграции. Примером служат изменения соответствующих оценок и тональности федеральной и региональной прессы - от первоначальной доброжелательности и любопытства к настороженности, негативным оценкам, раскручиванию темы "китайской экспансии" и т.д. В.И. Дятлов наглядно продемонстрировал этот процесс на примере иркутской прессы [10].

Такая эволюция вполне закономерна, так как российская общественность перенесла тяжелые потрясения, осознав масштабно меняющийся баланс сил между нестабильной, "сжимающейся" Россией и нарастающей мощью Китая. В. Гельбрас отмечает: "Россия, как и весь мир, переживает переломный момент - начало формирования новых условий глобального роста китайской миграции и развития китайских землячеств. Завершился период во многом стихийного становления и численного роста китайских землячеств в России и других странах. Начался этап организуемого и направляемого их количественного роста и стимулируемого из Пекина развития их предпринимательской деятельности" [11, с. 304].

Новая реальность породила миф о "китайской угрозе". Влияние его на умонастроения людей разрушительно. Это относится, в первую очередь, к населению, проживающему в приграничных с Китаем регионах Сибири и Дальнего Востока.

Политический истеблишмент Китая хорошо осознает ситуацию в России и вырабатывает гибкие стратегии, способные внедрить в сознание россиян свой миф о "хорошей китайской миграции". Это естественная линия поведения государства. Однако есть одно обстоятельство, которое заставляет иначе взглянуть на проблему. Речь идет о взаимосвязи миграционных мифов с глобальной внешнеэкономической стратегией Китая, которая является одной из траекторий многовекторной борьбы китайских властей "за великое возрождение нации Китая" [11, с. 299]. Уместен вопрос - насколько успешно при подобных обстоятельствах китайские мигранты будут интегрироваться в российское общество? Ответ на этот вопрос очевиден.

Конфликты. Просматривается определенная специфика конфликтов у разных категорий трудящихся-мигрантов. Наиболее остро протекают они в анклавных рынках труда, создающих возможности быстрого накопления капитала и являющихся высоко криминализированными социальными пространствами, действующими преимущественно в городах России, вокруг и внутри которых сталкиваются интересы многих противоборствующих субъектов.

Конфликты разворачиваются между: мигрантами и местными криминальными группами; разными этническими группами; лидерами этнической группы, контролирующей рынок, и представителями местной элиты по поводу пересмотра договоренностей об условиях деятельности; этнической группой, контролирующей анклавный рынок, и местным населением по различным поводам, в том числе по поводу купли-продажи товаров; мигрантами и гражданами России, нанятыми для работы; членами этнической группы за перераспределение доходов, получаемых на рынке.

Развитие таких конфликтов во многом зависит от степени заинтересованности или незаинтересованности местных элит в присутствии мигрантов на их территории. Их характер создает редкостную по своей напряженности атмосферу, в которой высоки риски возникновения столкновений на межэтнической, расовой, религиозной основе.

Менее остро, на первый взгляд, протекают конфликты между трудящимися-мигрантами, работающими по найму у российских работодателей. Однако именно это направление создает масштабное конфликтогенное пространство в большинстве регионов России. Основная причина кроется в том, что характер трудовых отношений между сторонами регулируется преимущественно не законом, а негласным правилом "безраздельное господство - безропотное подчинение", которое навязывается мигрантам как норма.

Мигранты пытаются отстаивать свои права, вступают в споры и конфликты с работодателями по поводу условий труда, оплаты за выполненную работу, продолжительности рабочего дня, гарантий социальной защиты и т.д. Конфликты проявляются в различных формах (индивидуальных, коллективных, открытых, закрытых) и имеют определенную специфику, которая различается по правовому статусу (легальных, нелегальных), по этническому составу (китайцы, вьетнамцы, азербайджанцы, таджики, украинцы и др.). Свои особенности имеют их тендерный аспект, конфликты между мигрантами и посредниками, представляющими интересы работодателей, между разными поколениями мигрантов и работодателей.

Вместе с тем, предварительный анализ позволяет выделить ряд тенденций в развитии конфликтов. Во-первых, наблюдается тенденция по *криминализации конфликтов, их силовому решению* работодателями. Вторая тенденция отражает стремление работодателей либо их представителей-посредников выстраивать с работающими у них по найму мигрантами *патерналистские отношения*, создающие иллюзию общей заинтересованности в деле. В-третьих, развивается тенденция *возрастания роли этнических общин {диаспор}* в урегулировании конфликтов мигрантов с представителями административных органов (чаще всего правоохранительных) и с криминальными группами. Обусловлена эта тенденция тем, что часть влиятельных фигур этнических общин в разных формах участвует в коммерческой деятельности мигрантов (предоставляет денежные средства, решает организационные вопросы и т.д.), имеет свою долю в доходах мигрантов. Эффективность такой посреднической роли высока, так как лидеры общин имеют, как правило, связи в региональных органах власти и органах местного самоуправления и умело сочетают открытые, легальные стратегии с "теневыми" технологиями разрешения конфликтов, методами этнической мобилизации и формированием неадекватных представлений у местной властной и деловой элиты по поводу возможных для них последствий.

В последнее время обозначились признаки новой тенденции - *поворот к организованному противодействию* крупных групп различным формам внешнего давления. Речь идет в первую очередь о китайских мигрантах. Осознание причастности к мощному государству, способному их защитить, придает им уверенность в своих силах.

Проявлением этой тенденции стал конфликт в мае 2004 г. в Иркутске между китайскими рабочими, занятыми на строительстве жилого комплекса, и сотрудниками правоохранительных органов. Поводом послужило намерение милиционеров проверить документы у одного из рабочих, который не подчинился их требованию. На территории комплекса милиция столкнулась со 120 гастарбайтерами, пустившими в ход камни, кирпичи, арматуру. На стройплощадку были стянуты силы патрульно-постовой службы и ОМОНа. В результате столкновения четверо сотрудников милиции получили телесные повреждения, более двух десятков китайских рабочих обратились в медучреждения, двое из них были госпитализированы. Конфликт получил широкий резонанс и был урегулирован после переговоров генерального консула КНР в Хабаровске и руководства правоохранительных органов Иркутска [12].

Данный конфликт весьма симптоматичен и очерчивает одно из возможных, хотя и маловероятных направлений развития ситуации в перспективе. События во Франции в ноябре - декабре 2005 г. показывают один из вероятных сценариев.

Следует выделить еще один вектор потенциальных конфликтов, который может со временем создавать точки высокой социальной напряженности. Речь идет о конкуренции за рабочие места между всеми вышеперечисленными группами и не уступающими им (а возможно и превосходящими их по численности) *внутрироссийскими трудящимися-мигрантами*. По мнению экспертов, численность последних составляет 8% в экономике страны и более одной трети занятых в неформальном секторе.

Высокий конфликтогенный потенциал кроется в противоречиях между трудящимися-мигрантами из зарубежных стран и наемными работниками из числа *вынужденных переселенцев*, перебравшихся на постоянное жительство в Россию из постсоветских государств, но не получивших еще российского гражданства. Таковых, по сообщению директора Федеральной миграционной службы К. Ромодановского, в декабре 2005 г. насчитывалось свыше 1,1 млн. человек [13].

Этносоциальный "фильтр". Внешняя трудовая миграция неизбежно сопровождается рисками возникновения напряженности и потенциальных конфликтов в различных сферах. Может ли государство и его институты минимизировать подобные риски? Возможны ли продуманный отбор и мотивация притока тех, кто желателен для страны, и противодействие тем, кто не желателен? Каким образом можно определить показатели количественного притока и качественные характеристики временно прибывающих в Россию? Относительно поставленных вопросов необходимо сделать, по меньшей мере, два уточнения.

Первое. Международная практика свидетельствует о том, что главным критерием определения численности иностранной рабочей силы должно быть ее соответствие потребностям экономики. Определить эту численность с абсолютной точностью невозможно, так как экономика и рынок труда подвижны. Однако приблизиться к желаемым показателям вполне реально, используя апробированные методы, к которым, по мнению экспертов Международного бюро труда, относятся: отбор мигрантов по их способности интегрироваться в долгосрочной перспективе и предоставление тем, кто прошел необходимую аттестацию для въезда в страну, свободы в выборе работы и перемене рабочего места по своему желанию (Канада, Австралия); предоставление права работодателям давать официальные подтверждения того, что им нужны иностранные работники и они готовы платить им заработную плату по действующим ставкам (США); делегирование полномочий специальным агентствам для изучения потребностей рынка труда и участия в проведении практической политики по привлечению иностранной рабочей силы; введение разнообразных форм квотирования, в том числе квот на привлечение иностранных работников определенных профессий для конкретных секторов экономики (Франция, Испания, Нидерланды, Греция, Швеция и др.); введение квот с указанием перечня государств, из которых мигранты могут въезжать в страну (что обусловлено двусторонними соглашениями, например, в Алжире, Словакии, Швейцарии, Южной Корее); введение квот, выраженных в абсолютных цифрах или процентах от общей численности населения, общей численности рабочей силы

или рабочей силы конкретной отрасли, предприятия (в Австрии допустимым пределом привлечения иностранных работников является 8% от рабочей силы, а для определенных категорий работников - до 9%) [14].

Второе. Что касается качественного состава мигрантов, то здесь ясности пока нет. По поводу этнического - есть лишь общие предположения о желательности первоочередного притока соотечественников из стран СНГ, о возможном доминировании выходцев из республик Кавказа, Центральной Азии, Китая или об их сбалансированном представительстве.

Не лучше обстоит дело и с социальным статусом. Кто будет в нем преобладать - квалифицированные специалисты, работники низкой квалификации, лица с высшим, средним или начальным образованием, мужчины или женщины, молодые представители, старшие поколения? Будет ли обеспечено их относительно сбалансированное представительство, либо в зависимости от ситуации предпочтение будет отдаваться тем или иным социальным группам? Ответов на эти вопросы пока нет.

Тени будущего. Масштабы полиэтнической трудовой миграции в Россию, равно как и ее взаимодействие с принимающим обществом, будут нарастать. Конфликтогенность этого взаимодействия предопределена неразрывной связью с объективным процессом начальной трансформации российского социума на принципах капиталистического жизнеустройства с присущими этому этапу социальными антагонизмами, всплеском этнофобий и национализма, жесткой борьбой за вытеснение либо подчинение конкурентов.

Мировой опыт показывает, что в подобных условиях должна возрастать регулирующая роль государства, его способность интегрировать общество на позитивных ценностях и противодействовать негативным процессам, в том числе в сфере трудовой миграции. В противном случае общество будет скатываться к состоянию хаоса и неопределенности, к идеологии конфликта и грубой силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин "трудоустроенный-мигрант" - общепринятый в международной практике. Смысловой контекст его не противоречит термину "иностранец-работник", закрепленному в российском законодательстве (см. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации").
2. Основные методологические подходы к анализу исследуемой проблемы сформулированы в монографии *А.В. Дмитриева* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.
3. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Европейская комиссия. Международная организация по миграции. Алматы, 2005.
4. Подробнее см.: *Тоценко Ж.Т.* Этнократия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003.
5. *Панкратова Л.* Миграция как элемент механизма интеграции восточных регионов России с экономикой КНР / Международная миграция: Каир+10 // Сб. статей / Гл. ред. *В.А. Ионцев*. М.: МАКС Пресс, 2004; *Бляхер Л.Е.* Диалог через границу, региональные варианты кросскультурного экономического взаимодействия // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 109.
6. См.: *Брагин В., Осаковский В.* Оценка естественного уровня безработицы в России в 1994-2003 гг.: эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 102-103.
7. Сколько в России нелегалов // [demoscope.ru /weekly/2005/0197/gazeta07.php](http://demoscope.ru/weekly/2005/0197/gazeta07.php). Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования), Международная организация по миграции. Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2004. С. 496.
8. Подробнее о кентавр-личностях см.: *Тоценко Ж.Т.* Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека // Социол. исслед. 2005. № 6. С. 6, 10.
9. *Здравомыслов А.Г.* Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / Под ред. *М. Брилл Олкотт и И. Семенова*. М.: Гендальф, 2001.
10. *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. С. 149.
11. *Гельбрас В.* Мигранты из Китая и становление китайских землячеств в России // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. М.: Гендальф, 2004.
12. Китайцы берут власть в России / <http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/gazeta011.php>; Не бойтесь китайцев, дары приносящих / <http://demoscope.ru/weekly/2005/0205/gazeta015.php/>
13. См.: Амнистию кусками не проводят / Вечерняя Москва. 2005. 13 декабря.
14. См.: За справедливый подход к трудоустроенным-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международное бюро труда. Женева, 2004. С. 118-120.